

Интервью

VR. Фрэнк Доббин известен лишь одной своей книгой «Формирование промышленной политики». Но эта книга цитируется с завидной частотой представителями самых разных исследовательских направлений. Причем ее трудно однозначно отнести к какой-либо категории. Сам Доббин называет себя институционалистом, последователем веберианской традиции, но с неменьшим основанием он может квалифицироваться как приверженец культурно-исторического подхода. Мы же склонны отнести ее к сфере изучения хозяйственных идеологий и экономической политики.

Фрэнк Доббин [Frank Dobbin], 31 июля 2002 г.¹

Фрэнк Доббин оказался очень спокойным, даже, я бы сказал, флегматичным, человеком, вдумчивым собеседником и заинтересованным слушателем. А его интервью отличалось четкостью суждений и структурированностью излагаемой позиции. Когда мы встретились, он переживал последствия серьезной травмы плеча и носил внушительную поддерживающую перевязь. Но, похоже, такие «мелочи» не могли вывести его из равновесия.

*

*

*

– Фрэнк, Вы известны как один из ведущих экономсоциологов, и, вероятно, сами также считаете себя членом этого экономсоциологического лагеря. Скажите, как это началось? Когда Вы осознали, что Ваши исследования – это экономическая социология?

– В университете (куда я поступил в 1980 г.) я был самым обычным социологом организаций. Но вскоре в 1985 г. вышла статья Марка Грановеттера об укорененности².

– Верно.

– Думаю, в этом была одна из причин. Многие из нас занимались социологией организаций, а потом поняли, что это были не просто организационные исследования.

– А когда Вы начали использовать само название? Ведь название имеет значение.

– Наверное, в начале 1990-х гг. многие начали называть себя таким образом.

– «Я – экономсоциолог»?

– Да, я начал называть себя экономсоциологом. Отчасти и потому, что я написал книгу о национальных промышленных стратегиях, которая не вписывалась в рамки социологии организаций – равно как и никакой другой существовавшей тогда дисциплины.

– Выходит, «экономическая социология» оказалась удачным способом встроиться в рубрикаторы... Ведь Вы говорите о книге «Формирование промышленной политики»³?

¹ Перевод М.С. Добряковой.

² Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91. No. 3. November. P. 481–510.

³ Dobbin F. Forging Industrial Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

– Да, причем это понимание пришло раньше, чем книга действительно была отнесена к этой категории другими.

– Скажите, а как Вы представляете себе экономическую социологию – какие методологические и теоретические течения, на Ваш взгляд, занимают в ней ключевые позиции?

– Социология, по крайней мере, американская, является полипарадигмальной дисциплиной, и в этом заключается одно из ее отличий от экономической теории. За ключевые позиции борются четыре теоретические схемы: теории конфликтов и власти, идущие от марксизма; концепции идентичности и социальной среды, берущие начало в работах Э. Дюркгейма; и более институциональные течения, восходящие к работам М. Вебера. Мне кажется, это три основные парадигмы в рамках экономической социологии – при этом, пожалуй, их можно назвать и основными подходами в рамках социологии в целом. Роберт Коммонс утверждает, что существует также четвертый подход, связанный с интеракционистскими теориями.

– А как же американский функционализм – например, работы Т. Парсонса и Р. Мертон? Ведь все авторы, которых Вы назвали, – европейцы.

– Верно. Многие утверждают, что функционализм – побочное дитя веберовских идей. Но, мне кажется, из этой традиции вышло не так много исследователей, называющих себя функционалистами.

– Эти традиции вытекают из классических методологических источников. А какова ситуация сейчас? Каковы сегодня основные подходы?

– Мне кажется, современная экономическая социология по-прежнему следует этим трем основным парадигмам. Например, сетевая теория (и, в частности, работы Хэрисона Уайта [Harrison White]) во многом опираются на идеи Э. Дюркгейма об индивидуальности, идентичности, месте индивида в социальной среде. На мой взгляд, один из его наиболее интересных тезисов заключается как раз в том, что когда фирма выходит на рынок, она формирует свою идентичность относительно идентичности других фирм на этом рынке и в соответствии с принятым на нем набором условий, касающихся цены, качества и количества продукции. То есть формирование идентичности новой фирмы – это относительный процесс, происходящий с оглядкой на идентичность других фирм, производящих такой же продукт. И я считаю, здесь можно проследить связи с идеями Вебера об идентичности индивидов и профессиональных групп в досовременных и современных обществах, то, как индивиды формируют свою идентичность относительно своего окружения, с оглядкой на некие данные характеристики. В случае фирм и в целом современных рыночных хозяйств в качестве таких характеристик выступают качество и количество продукта, а в случае индивидов – свойства их карьеры и профессии. Люди идентифицируют и реидентифицируют себя с другими членами своей профессиональной группы и оценивают свои отличия тоже прежде всего от членов данной группы. Словом, мне кажется, сетевой подход во многом опирается на эту традицию.

Второй подход – институциональный, и свои работы я отнес бы именно к этому направлению. Думаю, во многом он восходит к традиции Вебера – ведь центральное место в нем занимает взаимосвязь между институтами и смыслами. Наверное, в этом заключается отличие институционализма в социологии от институционализма в экономической теории. В последней институционализм описывает ограничения, накладываемые хозяйственными институтами на рыночное поведение. А в социологии мы трактуем институты как символы средств и отношений, конструируем представление о рациональности и эффективном поведении акторов. На мой взгляд, во многом это является продолжением веберовской традиции понимающей социологии (*verstehen*). Это попытка понять, что означают практики для индивидов, как индивиды вырабатывают стратегии на основе этих средств и задают цели, укорененные в существующих социальных институтах.

– *А можно ли назвать эту группу сплоченной, или в ней содержатся различия?*

– Группу экономсоциологов?

– *Нет, приверженцев институционализма или, точнее, «новых институционализмов».*

– Мне кажется, новый институционализм в разных дисциплинах раскрывается по-разному.

– *А в социологии?*

– В социологии? Многие авторы сходятся во мнении относительно фундаментальной роли институтов для формирования среды и представления людей о том, что есть рациональное поведение. Следовательно, по всей видимости, многие авторы сходятся и в критической оценке простой модели рационального актора. Что касается социологических институтов, то здесь многие высказываются за более их сложную трактовку и, в частности, за отход от микропонимания хозяйственного поведения.

– *А направления, связанные с изучением властных отношений, вероятно, в конечном итоге ведут к политэкономии?*

– Верно. Я как раз собирался сказать, что третья основная парадигма в рамках экономико-социологического анализа нацелена на конструирование структурной теории власти. Но, как мне кажется, многие институционалисты используют идеи теоретиков власти, и наоборот. Взять, к примеру, работы Нила Флигстина [Neil Fligstein]: сам он говорит, что во многом его работы опираются на марксистскую традицию – и действительно, они посвящены властным отношениям. При этом в них, несомненно, присутствуют и элементы институционализма – например, говорится о том, как власть институционализируется и становится видимой. Таким образом, в них рассматриваются те самые средства и конечные цели, то, как люди проводят институциональные реформы, навязанные властными отношениями, и как закрепляются последствия этих реформ.

– *Вы провели несколько примеров исторических исследований. А скажите, выделяете ли Вы особо исторический подход в экономической социологии? Например, куда бы Вы отнесли работы Вивианы Зелизер [Viviana Zelizer], которые несколько отстоят от институционального направления? Это особая традиция или часть одного из уже упомянутых направлений?*

– Многие считают, что Вивиана Зелизер занимает совершенно особую – и весьма необычную – позицию. И мне кажется, ее метод действительно отличается от других. С одной стороны, она не встает на позиции традиционной социологии – скорее я назвал бы ее историческим социологом. Но в своей основе ее идеи оказываются весьма тесно связанными с традициями, идущими от Дюркгейма и Вебера. Например, в работе «Оценивая бесценного ребенка»⁴ она разворачивает тезис о том, как однажды произошло коренное переосмысление рационализации труда – ведь рационализация уравнивает детей и взрослых, и дети точно так же могут трудиться, как и взрослые. А ее книга рассказывает о том, как подобная рационализация была трансформирована социальными реформаторами, стремившимися освободить детей от фабричного труда и создавшими целую новую мифологию детства, его новое понимание как особой сферы жизни, новое понимание ценности детей – которая измеряется скорее эмоционально, нежели трудовыми затратами. Мне кажется, эти идеи весьма тесно связаны с идеей о том, как происходят рационализация и эволюция рационализованного смысла.

⁴ Zelizer, V. Pricing the Priceless Child. The Changing Social Value of Children. New York: Basic Books, 1985.

– *Еще один вопрос в связи с этим. Нельзя сказать, что всем хорошо известно имя Джеймса Коулмана [James Coleman] (впрочем, это отдельная история). Но куда бы Вы отнесли его работы? Это особое направление социологии рационального выбора? Или что-то еще?*

– Мне кажется, это социология рационального выбора. И наверное, кто-то сказал бы, что в экономической социологии есть особая парадигма – теория рационального выбора. Но, на мой взгляд, после Коулмана в этой традиции практически никто не работает. А то, что все-таки было сделано, как мне кажется, более тесно связано с институциональной традицией, чем с теорией рационального выбора. Я имею в виду, что его тезисы об институциональном развитии можно интерпретировать по-разному, в том числе с позиций теории рационального выбора. Но не думаю, что ему удалось убедить все академическое сообщество, что существует новый подход к анализу рассматриваемых им исторических явлений. Любопытно, но в социальных науках в США и, в частности, в социологии, не так много внимания уделяется проблеме рационального выбора.

– *Кстати, в России тоже. Скажите, а какие книги или статьи среди тех, что вышли недавно, показались Вам наиболее важными, интересными, неожиданными, озадачивающими? Если взять последние 3–4 года – не очевидную классику, как, например, работы Грановеттера, а нечто новое? Что-нибудь привлекло Ваше внимание?*

– На мой взгляд, здесь выделяются две книги, в которых удивительным образом сочетаются властная традиция, идущая от Маркса, и институциональная традиция, идущая от Вебера, – а в результате институциональная социология обретает огромную предсказательную силу. Первая работа – «Социализируя капитал» Уильяма Роя⁵, в которой представлен весьма основательный исторический анализ развития современной корпорации и, в частности, крупной олигополистической фирмы. Вторая книга – «Архитектура рынков» Нила Флигстина⁶, в которой показано, как институты власти могут взаимодействовать между собой [работать вместе]. Удивительно в обеих книгах то, что они рассказывают о людях, выигрывающих политические сражения. И одной из вещей, которые они выигрывают, оказывается институциональная форма регулирования – в форме легитимного режима управления со стороны государства или в форме новых деловых практик, выгодных для этой группы. Это работы о власти. Мне кажется, они очень полезны, в них раскрываются новые вещи – ведь с течением времени возникают новые регулятивные структуры, и наборы деловых практик начинают восприниматься как данность. На мой взгляд, две эти книги – наиболее удачные попытки объединить теорию власти и институциональную теорию. Что касается сетевой теории, то лучшей новой книгой здесь я считаю книгу Хэрисона Уайта «Рынки как сети».

– *«Рынки из сетей».*

– Да, верно, «Рынки из сетей»⁷. Эта книга трудна для чтения, но ее можно осилить, если предварительно уловить основные идеи – например, одну из ее ключевых идей я упомянул несколько минут назад: новые игроки на рынке формируют свою позицию относительно других игроков. И если приступить к чтению, уже имея в голове эти идеи, то все встает на свои места. Однако, несомненно, это сложная вещь, не все в ней ясно – ведь к тому же

⁵ Roy W.G. *Socializing Capital: The Rise of the Large Industrial Corporation in America*. Princeton, N. J. : Princeton University Press, 1997.

⁶ Fligstein N. *Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies*. Princeton: Princeton University Press, 2001.

⁷ White H.C. *Markets from Networks: Socioeconomic Models of Production*. Princeton: Princeton University Press, 2002.

Хэррисон использует свою собственную терминологию. Словом, я считаю, что это замечательная книга, хотя и не самая простая для чтения.

В издательстве Принстонского университета вышла также еще одна книга, более отвечающая канонам властной традиции, – «Организуя Америку» Чарльза Перроу⁸. Автор – старомодный марксист – рассказывает о возникновении крупных корпораций. Интересна ключевая идея: крупные корпорации и в целом явление экономии от масштаба возникли не потому, что предприниматели и первые капиталисты стремились повысить эффективность, но потому, что они желали получить в свои руки больший контроль и преумножить свое богатство. И в этом есть логика, если вспомнить модели капитализма.

– *А среди статей Вам попалось в последнее время что-нибудь интересное?*

– Знаете, это такая живая область – тут слишком много всего. Но я бы выделил, например, работу Джерри Дэвиса о конгломерации промышленности⁹. Она мне нравится, потому что в ней показано, как эта идея о том, что портфель акций фирмы является наиболее эффективной моделью ее организации, – которую мы воспринимали как данность, – может со временем становиться деструктивной. Автор показывает, что на самом деле он наблюдал и неэффективные портфели акций. И демонстрирует, что изменение портфеля активов фирмы, его диверсификация отвечали интересам определенных групп, прежде всего институциональных инвесторов.

– *Еще один вопрос по поводу будущего. Какие области, направления экономической социологии Вы считаете наиболее перспективными на ближайшие несколько лет?*

– С точки зрения содержательных тенденций, я бы отметил тот факт, что экономсоциологи все чаще обращаются к понятиям, которыми традиционно интересовались экономисты, – например, стратегия фирмы или регулятивные системы. Думаю, поначалу некоторые из нас пытались объяснить вещи, находившиеся несколько в стороне от основных задач фирмы и национального государства – заработать побольше денег. На мой взгляд, гораздо более интересно попытаться изучить эти области (ключевые бизнес-стратегии фирм и промышленные стратегии национальных государств) с социологических позиций. И в содержательном отношении мы к этому идем, как мне кажется.

– *То есть в первом случае это микроуровень, а во втором – макро-?*

– А что такое микро- и макро-? Взять, например, цену. Я даже начал исследовать некоторые вещи, чтобы объяснить характер ценообразования в железнодорожной промышленности. Ведь мы можем показать, что социологические переменные и факторы играют определенную роль при принятии ценовых решений. А бизнес-стратегии дают нам своего рода конкурентное преимущество – мы можем объяснить их лучше, чем экономисты. На мой взгляд, большая часть экономических моделей не дает удовлетворительного объяснения отдаленных стратегий, краткосрочные объяснения им удаются лучше. Я бы сказал, что с точки зрения теории наиболее перспективная ныне вещь – это своего рода слияние перечисленных выше трех подходов. Ведь социология всегда была полипарадигмальной дисциплиной. Это означает, что долгое время (до появления количественных исследований)

⁸ Perrow C. Organizing America: Wealth, Power, and the Origins of Corporate Capitalism. Princeton, N. J. : Princeton University Press, 2002.

Chapter 1: <http://www.loc.gov/catdir/samples/prin031/2001055196.html>

Contents: <http://www.loc.gov/catdir/toc/prin031/2001055196.html>

⁹ Davis G.F., Diekmann K.A., Tinsley C.H. The Decline and Fall of the Conglomerate Firm in the 1980s: The Deinstitutionalization of an Organizational Form // American Sociological Review. 1994. Vol. 59. No. 4. P. 547–570.

предпринимались попытки выстроить какое-то объяснение с позиций институциональной перспективы Вебера, они начинались с формулирования гипотезы о властных отношениях, влиянии власти и сетей на конечный результат. Затем авторы утверждали, что эти гипотезы объясняют не все либо и вовсе ошибочны, – и переходили к анализу институциональной гипотезы; целью при этом являлось показать роль власти, сетей и институтов. На мой взгляд, исследователи в этих трех лагерях все больше сближаются друг с другом: например, теоретики власти и институционалисты понимают, что некий набор институциональных образований, некогда служивший целям определенной группы, со временем стал восприниматься как само собой разумеющийся, и люди уже не задумываются о нем, воспроизводя его независимо от того, по-прежнему ли он выгоден той группе.

– *Значит, Вы полагаете, что в экономической социологии существует возможность построения единой методологии?*

– Мне кажется, мы наблюдаем это все чаще. Например, в новой книге Х. Уайта выдвигается конструктивистская идея о рынках, в которой центральное место занимают смыслы поведения индивидов. То же мы наблюдаем в работах Флигстина и Роя: они сводят вместе смысл и власть. В каком-то смысле в «Архитектуре рынков» Флигстина разворачивается идея полей (своего рода социальных сетей): ваше социальное окружение влияет на ваше определение правильного и рационального поведения. Наверное, в своей идее о том, что на ваше поведение влияют сети, в которые вы вплетены, он ближе всех подошел к задаче объединения всех трех парадигм.

– *Вообще-то он довольно критически отзывается о сетевых теориях.*

– Мне кажется, он критикует направление, в котором начали развиваться сетевые теории. Я говорил с ним о социологической идее полей и сетевой теории, идее социальных состояний и полей. Мне кажется, он вполне осознанно использует идею о связях между людьми – подобно тому, как теоретики сетей используют трактовку сетей в традиции Дюркгейма. Наверное, здесь также сохранились отзвуки давнего соперничества между этими тремя парадигмами. Я не имею в виду, что все они сольются к одну парадигму. Мне кажется более продуктивным, когда каждая из них, желая влить свежую струю, заимствует подходящие идеи у соседа.

– *Получается своего рода академическая конкуренция.*

– Да, и конкуренция тоже.

– *Большое спасибо.*

Основные публикации Фрэнка Доббина

- Доббин Ф.* Формирование промышленной политики. Заключение // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 1 (<http://www.ecsoc.msses.ru/Transl.php>).
- Dobbin F. Comparative and Historical Perspectives in Economic Sociology // *The Handbook of Economic Sociology* / N. Smelser, R. Swedberg (eds.). 2nd ed. Princeton, NJ: Princeton University Press and Russell Sage Foundation. Forthcoming.
- Dobbin F. Do the Social Sciences Shape Corporate Anti-Discrimination Practice?: State Permeability and Disciplinary Influence in the United States and France // *Comparative Labor Law and Policy Journal*. Forthcoming.
- Dobbin F. *Forging Industrial Policy: The United States, Britain, and France in the Railway Age*. N.Y.: Cambridge University Press, 1994.
- Dobbin F. The Origins of Economic Laws: Railway Entrepreneurs and Public Policy in Nineteenth-century America // *The Institutional Construction of Organization: International and Longitudinal Studies* / W.R. Scott, S. Christensen (eds.). Thousand Oaks, CA: Sage, 1995. P. 277–301.
- Dobbin F. The Social Construction of the Great Depression: Industrial Policy During the 1930s in the United States, Britain, and France // *Theory and Society*. 1993. Vol. 22. P. 1–56.
- Dobbin F. Why the Economy Reflects the Polity: Early Rail Policy in Britain, France, and the United States // *The Sociology of Economic Life* / M. Granovetter, R. Swedberg (eds.) 2nd ed. Boulder, CO: Westview, 2001.
- Dobbin F., Dowd T. How Policy Shapes Competition: Early Railroad Foundings in Massachusetts // *Administrative Science Quarterly*. 1997. Vol. 42. P. 501–529.
- Dobbin F., Dowd T. The Market that Antitrust Built: Public Policy, Private Coercion, and Railroad Acquisitions, 1825–1922 // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. P. 631–657.
- Dobbin F., Sutton J. The Strength of a Weak State: The Employment Rights Revolution and the Rise of Human Resources Management Divisions // *American Journal of Sociology*. 1998. Vol. 104. P. 441–476.
- Kelly E., Dobbin F. Civil Rights Law at Work: Sex Discrimination and the Rise of Maternity Leave Policies // *American Journal of Sociology*. 1999. Vol. 105. P. 455–492.
- The Sociology of the Economy* / F. Dobbin (ed.). N.Y.: Russell Sage Foundation, 2004.